

Никому не будет хорошо, если нам плохо

Никита МИХАЛКОВ присутствовал на фестивале "Евразия" не в качестве гостя. На сей раз он стал непосредственным организатором происходящего в Алма-Ате, одним из сопредседателей Оргкомитета этого киносмотра. Уже на второй фестивальный день Никита Сергеевич дал пресс-конференцию, собравшую беспрецедентное число участников. Каких только вопросов не задавали главе Союза кинематографистов России. Задали свой вопрос и мы, с которого и начнем.

— Никита Сергеевич, на каком свете ныне пребывает Союз кинематографистов России? Каковы ваши действия в связи с произошедшими в стране изменениями? Послесъездовский финансовый долг — миф или реальность?

— Долг после четвертого съезда СК России... Пресса с маниакальной настойчивостью продолжает вести борьбу со мной. Это становится уже доброй традицией. Мне обидно не за себя. Жалко людей, которым приходится все время читать вранье. Каких только слухов о нас не ходит! Все время твердят о том, что мы приватизировали Дом ветеранов. Союз достался нам не в лучшее время. Идет тяжелая работа. Порой ей мешают, но тем не менее мы придерживаемся принципа абсолютной открытости для обществу и готовы информировать ее обо всем, что делаем. Именно поэтому вышла наша новая газета "СК-новости", в которой мы будем давать разъяснения по поводу экономической ситуации, других волнующих кинематографистов вопросов. Основные наши усилия сейчас направлены на подготовку и организацию того фонда, о котором мы говорили на съезде. Очень просто что-то сказать с трибуны, наобещать, на волне успеха или благоприятной ситуации въехать в любое кресло, но трудно сделать дело изо дня в день. Я заказываю картину "Сибирский цирюльник", поэтому мне втрое труднее. Но, поверьте, что каждый день работает профессиональная серьезная команда, которая желает союзу добра. Первое, что нужно было сделать и что делается, — это разобраться в том, что же происходит в СК, поработать с документами, архивом, которым никто не занимался в течение десятилетий. Идет тяжба по защите собственности, удержанию ее в руках союза. По сути дела, союз сегодня — банкрот. Уверю вас, что даже хорошие отношения с банкирами или премьер-министрами могут дать частные, единичные вливания. Это не выход из положения. Сегодня вся наша работа направлена на то, чтобы запустить рабочий механизм. Да, сегодня Союз кинематографистов — должник, но никто не заставляет его отдавать долги до тех пор, пока у него не будет воз-

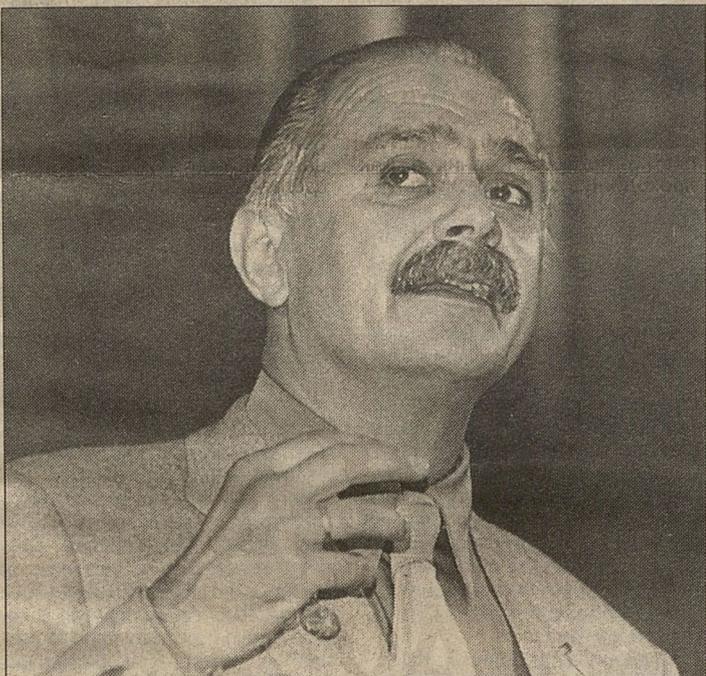

Фото Л. ВОРОБЬЕВОЙ

можности сделать это.

Я прекрасно понимаю, что не все будут довольны решениями, которые мы вынуждены принимать. Но, повторяю, очень просто раздавать обещания и ничего не делать, а потом развести руками и сказать: нам того не дали, тут не помогли, а там не послушали, здесь подвели. Коллективная безответственность всегда более удобный способ жизни, нежели индивидуальная ответственность. Но я не хочу жить по такому принципу. Я никогда так не жил. Поэтому за все, что мы делаем, — мы отвечаем. Вот почему я, например, за президентскую республику, а не за парламентскую, по крайней мере в стране, где я живу.

Сегодня СК находится точно в той точке, в какой пребывал Фонд культуры два года назад. Там тоже шуршали по кабинетам, писали подметные письма, собирали подписи, говорили, что руководство нацелено на разрушение. Важно верить тем, с кем ты работаешь, и иметь определенную выдержку. Я всех готов выслушать, но это не означает, что я должен поступать так, как они хотят.

Сегодня Фонд культуры — одна из немногих организаций в России, которая не сократила на одной своей культурной программы. Поверьте, это серьезная победа. Нам пришлось пойти на сокращение заработной платы, но ни один человек при этом не ушел из фонда. Потому что люди понимают, что мы делаем единое дело. Если удастся удержаться на таких же позициях в СК, тогда у меня есть надежда, что по прошествии двух лет мы сможем честно посмотреть друг другу в глаза и сказать, что были правы. Только не нужно московскому СК собираться на пленум и в ужасе, истерике выступать с предупреждением о грозящих катастрофах, которые надвигаются на кинематографистов России. Не нужно вообще пугать людей катастрофами ни в прессе, ни на телевидении. В этом единственное спасение и возможность найти верное решение. Терпение, как говорил Тимур Тарман, — это храбрость.

Сильный СК России необходим всем. Слабый российский союз погубит все другие Союзы кинематографистов. К сожалению, сегодня именно так обстоят дела. Слабая Россия в целом, униженная, рас-

терзанная, принесет несчастья и всем остальным.

— Прокомментируйте, пожалуйста, ситуацию, сложившуюся вокруг МЗАО "Киноцентр"?

— III съезд кинематографистов России принял решение забрать Киноцентр в российский союз. IV съезд должен был выслушать по этому поводу меня, что и было сделано. Рустам Ибрагимбеков, являющийся председателем Совета директоров МЗАО "Киноцентр", — мой близкий друг и соавтор, и мы, к счастью, сумели с ним договориться относительно выхода из создавшегося вокруг Киноцентра положения. В результате было создано новое совместное предприятие, в котором доли разделились так: 50 процентов акций досталось России, 50 — остальным участникам. Об этом я и сообщил IV съезду. Но, несмотря на подписанный нами меморандум, соглашение не стало выполняться. Тем не менее я пытался продолжать ведение переговоров. Р.Ибрагимбеков попросил освободить его от занимаемой должности. Это дало мне повод предполагать, что больше разбираться в этом болезненном для нас двоих вопросе с позиции председателя Совета директоров он не хочет.

Мне казалось, что секретари Союзов кинематографистов стран СНГ и Балтии в тот день, когда мы подписывали соглашение, были едины в своем порыве принять наши договоренности как данность. Но в итоге дирекция МЗАО "Киноцентр" проигнорировала наши соглашения и за спиной СК России, думаю, что и за спиной всех остальных СК, получила свидетельство о собственности на это здание в центре Москвы. Мне не хотелось бы верить в то, что остальные союзы знали обо всем и пошли на этот шаг осознанно.

Ну что же? Пусть будет так. С этого момента нас не интересует совместное, дружеское использование здания. СК России, имея 35 процентов акций, будет рассматривать эту организацию как обычное акционерное общество, которое должно приносить доход. Мы найдем профессионалов, которым поручим сделать так, чтобы эти самые 35 процентов для СК оказались как можно более выгодными. Как председатель СК России, я бу-

ду отстаивать его интересы и напоминать, что слабый, беспомощный СК России в нищете утащит всех. Никому не будет хорошо, если нам будет плохо. Поэтому я хотел бы еще раз обратиться к моим коллегам и друзьям: вы меня знаете, знаете, что отношения между нами строились всегда на понимании проблем друг друга. Попытайтесь вернуться к нашим проблемам еще раз для того, чтобы выполнить однажды подписанные договоренности. Если все будет развиваться так, как надо, то очень скоро СК станет богатой организацией. Я уверен. В этом заключена безопасность не только кино, но и государства Российского. Я бы хотел иметь возможность от имени СК России помогать всем, кто будет нуждаться в нашей поддержке.

— Какое значение вы придаете фестивалю "Евразия"?

— Я возлагаю на него огромные надежды. Он может дать возможность договориться то, что не могут сказать открыто друг другу политики. Несмотря на то что почти все кинематографисты вышли из ВГИКа, кино Казахстана, Узбекистана, Армении, Грузии и других республик всегда имело свое лицо. Мне жаль, что в последние годы мы не знали, что происходит за пределами московского Дома кино.

— Когда мы увидим ваш новый фильм "Сибирский цирюльник"?

— Мы не будем картину показывать так, как делали это раньше. Ее нужно смотреть на большом экране с хорошим звуком, а не довольствоваться ворованной копией на телевизоре. Наверное, мы устроим просмотры во Дворцах спорта. Мы заслужили право смотреть свое кино таким, каким мы его пытаемся сделать. Можно увидеть "Титаник" на телевизоре, но в этом случае вы получите только информацию о том, о чем этот фильм. Но ведь то, что "Титаник" затонул, знают и до начала картины. Важно не только "что", но и "как".

Мировая премьера "Сибирского цирюльника" состоится в интервале от 7 до 10 декабря в Кремлевском Дворце съездов. Там меняют всю аппаратуру, и, возможно, благодаря картине мы получим самый крупный в мире кинозал на 6 тысяч мест. Но до этого мы будем двигаться с картиной и своим оборудованием от Владивостока в Москву с 10–12 однодневными остановками в больших городах. В Париже премьера состоится, видимо, в январе. Права на картину в странах СНГ и Балтии принадлежат моей студии "ТриТэ", во Франции и в мире — французской стороне в соответствии с затратами, ею понесенными во время съемок.

— Ваш фильм основан на патристической, державной и православной идеях. Не опасна ли столь тесная связь искусства с идеологией?

— В таком случае Пушкин, Достоевский, Толстой, Чехов, Бунин — идеологические писатели. Они были людьми державными и православными. К этому нужно относиться как к данности. Люди рождались, воспитывались и жили в этих условиях. В результате написали "Войну и мир", "Евгения Онегина" или "Идиота". Не надо этого пугаться. Страшно, когда происходит что-то насильственное. Если бы я снимал картину, в основе которой лежала бы идеология секты "Белое братство", тогда был бы повод

для сомнений. А тут в чем странность? Я — русский человек, воспитанный на русской культуре, но это не мешает мне плакать, слушая азербайджанские песни или стихи казахских поэтов. То, что я делаю, основывается на тех культурных корнях, которые меня взрастили. И только поэтому то, что я создаю, может быть интересно кому-нибудь еще. Если я приеду в Голливуд и сниму картину про наркоманов, убийц и маньяков в метро, в этом случае я буду черпать чувства и ощущения из американского кино, а не из собственного опыта. И тогда созданная мною картина будет наверняка туристической.

— Дождутся ли когда-нибудь зрители появления на экране положительного героя, а не маньяка?

— Чрезвычайное бескультурье и узость мышления характерны для тех, кто кормит нас сегодня кинематографом. Информация этих людей в основном построена на том, что они видели опять-таки в кино. Я только что вернулся из Хакасии, где провел шесть дней в тайге. Мы проезжали вершок по 30–40 километров в день, разговаривали с людьми. Боюсь выглядеть секретарем СК 70-х годов, призывавшим искать героя в народе, в простых людях. Но не могу не сказать этого сейчас. Потрясающие есть люди, берущие в аренду таежные земли, строящие там дома, наслаждающиеся тем, что они — хозяева. Они независимы и дышат по-другому, в них есть ощущение самодостаточности и нет жажды поскорее обосноваться в Москве только потому, что там можно купить плащ-болонью и жевательную резинку. Они живут полноценной жизнью, трудной, как и повсюду. Но рождается новый класс собственников. Вот это герой, о котором сегодня нужно рассказывать. Говорить о том, как и что он преодолевает во имя того, чтобы стать человеком, желающим жить на этой земле. Уверю вас, там есть все: экшн, любовь, секс... Только нужно это увидеть и захотеть об этом рассказать. А это доступно лишь тому режиссеру, который тоже хочет быть самостоятельным и жить здесь. И если он не подумает о детях, которые будут воспитываться на его фильмах, то он породит и воспитает монстров. Вот тот путь, который я вижу. Он абсолютно реален.

— Какова судьба Московского кинофестиваля?

— Надеюсь, что ММКФ состоится в будущем году. Основная его задача, помимо решения организационных, финансовых вопросов, связана с качеством фильмов и программ, которые он представит, уровнем гостей. Я бы очень хотел, чтобы существовали программы и чисто теоретические. Мы забыли о необходимости теории кино. Я попросил кинематографистов и критиков подготовить свои предложения на этот счет. Хорошо бы провести еще и хотя бы пару серьезных мастер-классов. Мы сделаем максимально доступными все фестивальные программы, особенно для молодых кинематографистов. Студенческий билет должен стать пропуском куда угодно. В этом, на мой взгляд, заключена основная задача ММКФ.

Михалков Никита

28.10.98